

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ НА СООТВЕТСТВИЕ СТАТУТУ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Низами Сафаров¹

* Данный обзор не является отражением какой-либо официальной точки зрения.

* Для комментариев либо дополнительного уточнения каких-либо вопросов с автором можно связаться по электронной почте: safarovn_a@hotmail.com либо nizami.s@rambler.ru

¹ Обзор подготовлен заведующим отделом административного и военного законодательства Аппарата Национального Собрания Азербайджанской Республики, кандидатом юридических наук Низами Сафаровым с использованием материалов исследований совместимости Римского статута и национального законодательства (Азербайджанская Республика, Грузия, Молдова, Российская Федерация, Украина), а также иных документов Консультационной службы по международному гуманитарному праву, предоставленных Московской делегацией Международного Комитета Красного Креста. Кроме того, в работе использован отчет Венецианской комиссии (*European Commission for Democracy through Law*) “О конституционных проблемах, возникших при ратификации Римского статута Международного уголовного суда” (CDL-INF (2001)1), принятый на пленарном заседании Комиссии 15-16 декабря 2000 г., а также материалы Второго европейского совещания, посвященного проблемам имплементации Статута МУС (13-14 сентября 2001 г., Страсбург).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

- 1.1. Невыдача собственных граждан**
- 1.2. Иммунитеты должностных лиц**
- 1.3. Принцип дополнительности**
- 1.4. Принцип “*ne bis in idem*”**
- 1.5. Помилование**

РАЗДЕЛ II. ТЕКУЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

- 2.1. Уголовное законодательство (Общая часть)**
 - 2.1.1. Неприменение сроков давности**
 - 2.1.2. Уголовные наказания и исполнение приговоров**
 - 2.1.3. Основания освобождения от уголовной ответственности**
- 2.2. Уголовное законодательство (Особенная часть)**
 - 2.2.1. Преступления, подпадающие по юрисдикцию МУС и национальное законодательство**
 - 2.2.2. Преступления против отправления правосудия МУС**
- 2.3. Уголовно-процессуальное законодательство**
 - 2.3.1. Рассмотрение уголовных дел судом присяжных**
 - 2.3.2. Оказание правовой помощи по уголовным делам и сотрудничество с МУС**

ВВЕДЕНИЕ

Международный уголовный суд (далее – МУС либо Суд) был учрежден на Дипломатической конференции полномочных представителей, прошедшей в г. Риме под эгидой Организации Объединенных Наций 15-17 июля 1998 г.

Статут МУС вступил в силу с 1 июля 2002 г. после того, как согласно ст. 126 Статута 60 государств выполнили внутригосударственные процедуры по его ратификации. Всего по состоянию на 20 декабря 2002 г. Статут подписан 139, а ратифицирован 87 государствами².

С учетом того, что большинство положений Римского статута не являются самоисполнимыми³, перед государствами, принимающими решение о его ратификации, стоит важнейшая задача – адаптировать свое законодательство для целей сотрудничества с Международным уголовным судом.

За время, прошедшее с момента принятия Статута уже накоплен определенный правовой опыт, направленный на его имплементацию и совершенствование в этой связи соответствующих положений национального материального и процессуального права. Сравнительное изучение подходов различных государств способствует выработке наиболее оптимальных методов и средств национальной правовой имплементации положений важнейшего международного договора, каким является Римский статут МУС. Этот момент представляется чрезвычайно важным для такого межгосударственного образования как СНГ, одним из основных направлений деятельности которого является формирование гармонизированного правового пространства.

В целом положительное отношение стран СНГ к проблеме учреждения Международного уголовного суда проявилось в том, что Азербайджанская Республика подписала Заключительный Акт, 8 государств-участников данного объединения подписали Римский статут (Российская Федерация, Грузия, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Украина, Республика Армения, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан). Вместе с тем, лишь одно государство – Республика Таджикистан 5 мая 2000 г. ратифицировало Статут. При этом на темпы ратификации Статута влияют неурегулированность проблем конституционно-правового характера, недостаточная информированность общественности, государственных органов, а также должностных лиц о деятельности МУС и т.д.

Настоящий обзор предполагает рассмотрение некоторых ключевых проблем в сфере соответствия законодательства стран СНГ Римскому статуту. Это относится, прежде всего, к проблемам конституционного свойства, а также к отдельным проблемам, возникающим в области текущего законодательства в связи с ратификацией Статута. При этом вопросы, рассмотренные в настоящем обзоре не носят исчерпывающего характера, поскольку сфера имплементации в целях обеспечения соответствия национального законодательства Статуту значительно шире. Основная цель обзора – дать некоторое общее представление о тех сложностях, которые возникают в связи с ратификацией Статута МУС и возможных путях их правового урегулирования. В этом отношении распространение знаний о МУС, анализ юридических проблем обеспечения совместимости Римского статута и национального права в ощутимой степени способны повлиять на прогресс в деле ратификации данного международного договора.

² Информация о государствах-участниках Римского статута МУС: <http://www.untreaty.un.org>

³ В данном случае имеется в виду, что многие положения Статута не могут применяться государствами непосредственно, без соответствующего имплементирующего законодательства. Самоисполнимыми являются международные договоры, которые содержат четко прописанные юридические обязательства, автоматически регулирующие отношения с участием субъектов национального права.

РАЗДЕЛ I. КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО⁴

Согласование норм Римского статута с конституционными новеллами является наиболее сложной по своему характеру проблемой, хотя и международная практика уже накопила в этом направлении определенный опыт. Трудности конституционного характера связаны главным образом с запретами на выдачу граждан, иммунитетами должностных лиц, применением принципа дополнительности, внутригосударственными прерогативами в области помилования, а также принципом “*ne bis in idem*”, предусматриваемым конституциями ряда стран СНГ. В международной практике пути урегулирования конституционных проблем различны и варьируются в зависимости от того, выявляют ли органы конституционной юстиции противоречия между Статутом и нормами национальных конституций⁵.

В плане обеспечения совместимости норм статута с фундаментальными конституционно-правовыми положениями существует несколько юридических вариантов.

Во-первых, в том случае, если органы конституционной юстиции не выявляют противоречий Статута и национальных конституций, необходимости внесения изменений в них не возникает и речь идет лишь об имплементационной работе в сфере текущего законодательства.

Во-вторых, если выявленные противоречия носят несущественный характер, в конституцию может быть внесена поправка общего характера о признании юрисдикции Суда (как это имело место во Франции).

В-третьих, существует возможность изменения конкретных конституционных норм, связанных, в частности, с невыдачей собственных граждан, иммунитетами должностных лиц, принципом “*ne bis in idem*” и т.д. для обеспечения соответствия Статута и национальных конституций.

Подход, основанный на внесении изменений в конституцию, в рамках правовых систем стран, предусматривающих для этого усложненные процедуры, представляется крайне проблематичным и может отсрочить на длительное время участие стран СНГ в Статуте. Поэтому более оптимальной представляется модель, исключая конституционные реформы, хотя и необходимо оговориться, что каждое государство может выбрать тот вариант, который в наибольшей степени сообразуется с ее интересами, правовыми подходами и принципами правовой системы.

1.1. Невыдача собственных граждан

Национальное законодательство стран СНГ, как правило, придерживается преобладающей в конституционно-правовой практике тенденции невыдачи собственных граждан. Это подтверждается анализом соответствующих конституционных норм.

В частности, Конституция Российской Федерации (ст. 61 (1)) предусматривает, что гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству. Конституционное правило о невыдаче собственных граждан подтверждено также в

⁴ Ссылки на конституции Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Молдовы, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Армении, Российской Федерации, Украины даются по изданию: Конституции государств Европы / Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Изд. НОРМА-ИНФРА, 2001. Ссылки на конституции Республики Кыргызстан, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан даются по изданию: Конституции государств-участников СНГ. М.: Изд. НОРМА-ИНФРА, 1999.

⁵ Вопрос о соответствии Римского статута и отдельных норм национальных конституций рассматривался органами конституционной юстиции Бельгии, Испании, Франции, Украины и т.д.

уголовном законодательстве Российской Федерации (ст. 13 (1) УК)⁶, которое предусматривает, что граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству.

Правила невыдачи граждан придерживается и конституционное законодательство Азербайджанской Республики. Статья 53 (II) Конституции предусматривает, что гражданин Азербайджана ни при каких обстоятельствах не может быть изгнан из Азербайджанской Республики или выдан иностранному государству. В соответствии с конституционным положением Закон Азербайджанской Республики «О выдаче (экстрадиции) лиц, совершивших преступления» от 15 июня 2001 г. в ст. 3.1.1 предусмотрел принадлежность к гражданству Азербайджанской Республики в качестве основания для отказа от выдачи. Кроме того, правила невыдачи придерживается и уголовное законодательство (ст. 13 (1) УК)⁷.

Правило невыдачи собственных граждан предусмотрено также в Конституции Украины (ст. 25), Молдовы (ст. 17 (3)) и т.д.

Наличие гражданства в качестве основания для отказа от выдачи – правило воспринятое договорно-правовой практикой (многосторонней и двусторонней) стран СНГ.

Так, в частности, страны Содружества являются участниками Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., которая предусматривает возможность отказа от выдачи граждан (ст. 57).

Кроме того, страны СНГ, являющиеся членами Совета Европы, ратифицировали Европейскую конвенцию об экстрадиции 1957 г.⁸ (Республика Азербайджан⁹, Грузия¹⁰, Республика Молдова¹¹, Республика Армения¹², Российская Федерация¹³, Украина¹⁴), ст. 6 которой предусматривает право Договаривающихся Сторон отказать в выдаче своих граждан. Все страны СНГ при ратификации Конвенции выступили с заявлениями относительно невыдачи своих граждан в соответствии с положениями статьи 6¹⁵.

Двусторонние договоры стран СНГ о правовой помощи и экстрадиции также исходят из правила невыдачи граждан. Ссылку на это содержат Договоры о выдаче - Российской Федерации с Китайской Республикой (ст. 3), с Индией (ст. 5); Азербайджанской Республики с Болгарией (ст. 4); Договоры об оказании правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Российской Федерации с Литовской Республикой (ст. 102), Эстонской Республикой (ст. 62) и т.д.

В отличие от норм национальных конституций, запрещающих экстрадицию граждан, Римский статут в ст. 89, предусматривая для государств-участников обязательства по передаче лиц Суду, не делает каких-либо исключений в отношении передачи граждан тех стран, которым направляется подобное требование. Согласно ст. 89 (1) Суд может

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации принят 24 мая 1996 г., введен в действие с 1 января 1997 г.

⁷ Принят 30 декабря 1999 г., введен в действие с 1 сентября 2000 г.

⁸ Информация о государствах-участниках Конвенции об экстрадиции (по состоянию на 23 декабря 2002 г.) получена из: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/EN/cadreprincipal.htm>.

⁹ Ратифицирована 28.06.02 г.

¹⁰ Ратифицирована 15.06.2001 г.

¹¹ Ратифицирована 02.10.1997 г.

¹² Ратифицирована 25.01.2002 г.

¹³ Ратифицирована 10.12.1999 г.

¹⁴ Ратифицирована 1.03.1998 г.

¹⁵ Например, Российская Федерация по подпункту “а” пункта 1 ст. 6 Конвенции сделала заявление о невыдаче другому государству гражданина Российской Федерации согласно ст. 61 (1) Конституции (Федеральный закон от 25 октября 1999 г. N 190-ФЗ “О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней”// Собрание законодательства Российской Федерации. 1999.) N 43. Ст. 5129.

препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами, указанными в ст. 91, любому государству, на территории которого может находиться данное лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица. Государства-участники в соответствии со Статутом и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и передаче.

Учитывая возможность коллизии норм национального права и положений Статута, в ст. 102 проводится дифференциация понятий «экстрадиция» (*extradition*) и «передача» (*surrender*), в соответствии с которыми передача означает доставку лица государством в Суд в соответствии со Статутом, а экстрадиция – доставку лица одним государством в другое в соответствии с положениями международного договора, конвенции или актов национального законодательства. Подобная трактовка создает эффективные предпосылки для того, чтобы избежать процедуры внесения изменений в конституцию при наличии абсолютного запрета на выдачу граждан. При этом современная практика органов конституционной юстиции зарубежных стран, а также государств СНГ наглядно подтверждает принципиальную разницу указанных процедур, т.е. экстрадиции и передачи лиц.

Например, Конституционный суд Коста-Рики, рассмотрев соответствующие нормы Статута, заключил, что конституционная гарантия, установленная ст. 32 Конституции страны, согласно которой ни один костариканец не может быть принужден покинуть национальную территорию, не является абсолютной и, что при установлении пределов ее применения следует исходить из здравого смысла и критерия соразмерности. По духу Конституции признание этой гарантии должно идти в русле международного права прав человека, а сама Конституция должна восприниматься не как препятствие на пути внедрения новых достижений в этой области, а как фактор, способствующий им. Суд определил, что новый международный порядок защиты прав человека, устанавливаемый Римским статутом, совместим с конституционной гарантией, предусмотренной ст. 32¹⁶.

Различие правовой природы «экстрадиции» и «передачи» лиц было подтверждено и Конституционным судом Украины, который в своем заключении по *делу о Римском уставе* от 11 июля 2001 г. указал, что термины «передача» и «выдача» в общеупотребительном понимании часто рассматриваются как синонимы, но в международно-правовых документах и в специальной литературе в них вкладывается различное содержание, что делает их юридическую природу неидентичной... Доставка лица в другое равно суверенное государство принципиально отличается от доставки лица в Суд, созданный согласно международному праву с участием и с согласия заинтересованных сторон... Согласно части второй ст. 25 Конституции Украины, запрещается выдача (экстрадиция) граждан Украины другому государству. То есть, запрет касается национальной, а не международной юрисдикции. Он имеет целью гарантировать беспристрастность судебного разбирательства, справедливость и законность наказаний для своих граждан. Международный уголовный суд не может приравниваться к иностранному суду, поскольку создается, как уже отмечалось, с участием и с согласия государств-участников на основе международного, а не национального права. Цель, которой объясняется запрет выдачи граждан одного государства другому, достигается в Международном уголовном суде посредством применения соответствующих положений Устава, разработанных (или одобренных) государствами-участниками. Эти положения базируются на международных пактах, согласие на обязательность которых для Украины уже дано... Поэтому конституционные положения о запрете выдачи граждан Украины (даже при условии широкого толкования понятия «выдача») нельзя рассматривать отдельно от международно-правовых обязательств Украины.¹⁷ Подобного рода

¹⁶ [Consulta preceptiva de constitucionalidad sobre el proyecto de ley de aprobacion del "Estatuto de Roma de la Corte Penal Internacional"], Exp. 00-008325-0007, Res. 2000-09685, 1 nov. 2000.

¹⁷ *Дело о Римском Уставе*, 11 июля 2001 г., N 3-в/2001.

толкование, которые выявляет различную правовую природу и содержание «экстрадиции» и «передачи лиц» позволяет обойти длительную и сложную процедуру внесения изменений в Конституцию.

Следует также иметь в виду, что среди участников СНГ имеются государства (Грузия, Республика Казахстан), законодательство которых предусматривает возможность экстрадиции граждан при наличии международного договора, относящегося к данному вопросу.

Статья 11 Конституции Республики Казахстан гласит: “Гражданин Республики Казахстан не может быть выдан иностранному государству, если иное не установлено международными договорами Республики”. Подобная норма (ст. 13 (4)) предусматривается и в Конституции Грузии. Причем конституционное правило о запрете выдачи граждан воспроизводится в уголовном законодательстве указанных стран, и в частности, в ст. 8 (1) УК Республики Казахстан¹⁸ и ст. 6 (1) УК Грузии¹⁹.

Подобная трактовка, хотя и не снимает с повестки проблему, вместе с тем, значительно упрощает ее решение. Если конституционные нормы считают допустимой экстрадицию граждан при наличии договора, то ратификация Статута, являющегося международным договором, в свою очередь, сделает возможной передачу граждан Международному уголовному суду.

1.2. Иммунитеты должностных лиц

Конституционное законодательство стран СНГ предусматривает специальные иммунитеты должностных лиц, рассматриваемые в качестве гарантии их законной деятельности на занимаемой должности. Основное назначение иммунитета – гарантирование надлежащей, в соответствии с законом, деятельности должностного лица и обеспечение защиты от необоснованного преследования²⁰.

В категорию лиц, на которых распространяются иммунитеты, как правило, входят главы государств, депутаты парламента, судьи и т.д. (см. таблицы 1, 2 и 3).

Таблица 1

Страна	Азербайджанская Республика	Российская Федерация	Республика Беларусь	Грузия
Перечень должностных лиц, на которых распространяется иммунитет с указанием соответствующей статьи конституции	Депутаты Национального Собрания (ст. 90); Президент (ст. 106); Премьер-министр (ст. 123); судьи (ст. 128)	Президент (91); Члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы (ст. 98); судьи (ст. 122)	Депутаты Палаты Представителей и члены Совета Республики (ст. 102)	Члены Парламента Грузии (ст. 52); Президент (ст. 75); Судьи (ст. 88)

¹⁸ Принят 16 июля 1997 г., введен в действие с 1 января 1998 г.

¹⁹ Принят 22 июля 1999 г., введен в действие с 1 июня 2000 г.

²⁰ См. об этом подробнее: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. “О проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального Закона от 8 мая 1994 г. “О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации””// Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1996. N 2.

Таблица 2

Страна	Республика Казахстан	Республика Кыргызстан	Республика Молдова	Республика Армения
Перечень должностных лиц, на которых распространяется иммунитет, с указанием соответствующей статьи конституции	Президент (ст. 46); Депутаты Парламента (ст. 52 (1)); Председатель и члены Конституционного Совета (ст. 71 (5)); Судьи (ст. 79 (2))	Президент (ст. 49 (1)); Депутаты Законодательного Собрания и депутаты Собрания Народных представителей (ст. 56 (3)); судьи (ст. 79 (4))	Депутаты парламента (ст. 70 (3)); Президент (ст. 81)	Депутаты Национального Собрания (ст. 66)

Таблица 3

Страна	Республика Таджикистан	Туркменистан	Республика Узбекистан	Украина
Перечень должностных лиц, на которых распространяется иммунитет с указанием соответствующей статьи конституции	Народные депутаты (ст. 59); Президент (ст. 72); Судьи (ст. 91)	Президент (ст. 60); Депутаты (ст. 70); Судьи (ст. 101)	Депутаты Олий Мажлиса (ст. 88); Президент (ст. 91); Судьи (ст. 112)	Депутаты Верховной Рады (ст. 80); Президент (ст. 105); Судьи (ст. 126)

Привлечение к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом, возможно лишь с соблюдением специальных процедурных правил, устанавливаемых национальным законодательством. Однако, в отличие от национальных правовых процедур, регламентирующих порядок привлечения к ответственности лиц, обладающих соответствующими иммунитетами, Римский статут (ст. 27), предусматривает, что его положения применяются в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности по Статуту и само по себе не является основанием для смягчения приговора. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица. Иммунитеты должностных лиц не могут рассматриваться в качестве правового средства, обеспечивающего безнаказанность должностных лиц, совершающих преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда, тем более, что речь идет об особо тяжких деяниях, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Необходимость пресечения этих деяний по существу вытекает из обычного международного права²¹.

Нормы о недопустимости ссылки на должностное положение лица в качестве ссылки на основание освобождения от ответственности либо смягчения наказания предусматривают важнейшие международно-правовые акты, в которых участвуют страны СНГ.

Например, Конвенция о пресечении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. в ст. IV предусматривает, что лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в ст. III деяний, подлежат ответственности независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

Ни одна из стран СНГ, являющихся участниками Конвенции²² (в частности, Азербайджанская Республика²³, Российская Федерация²⁴, Республика Беларусь²⁵, Грузия²⁶, Украина²⁷ и т.д.), не сделала каких-либо оговорок по ст. IV, согласившись тем самым, с отсутствием иммунитета должностных лиц в отношении уголовной ответственности за геноцид. Таким образом, иммунитеты государственных должностных лиц не могут препятствовать осуществлению уголовного преследования за тяжкие международные преступления, и в частности, за геноцид. Органы конституционной юстиции ряда стран при рассмотрении вопроса о соответствии Римского статута национальным конституциям пришли к заключению об отсутствии противоречий между конституционными нормами касательно иммунитетов должностных лиц и ст. 27 Статута.

В частности, Государственный совет Испании в заключении от 22 августа 1999 г. ("О Римском Статуте")²⁸ провел различие между иммунитетами и особыми процедурами ареста и уголовного преследования (*privileges de jurisdiction*). Во втором случае Совет счел, что передача юрисдикционных полномочий международной инстанции не нарушает

²¹ См. об этом, в частности: Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него»// International Court of Justice Reports. Vol. 15. 1951.

²² Информация о государствах-участниках Конвенции геноцида (по состоянию на 9 октября 2001 г.) получена из: <http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/treaty1gen.htm>.

²³ Присоединилась 16 августа 1996 г.

²⁴ Ратифицировала 3 мая 1954 г.

²⁵ Ратифицировала 11 августа 1954 г.

²⁶ Присоединилась 11 октября 1993 г.

²⁷ Ратифицировала 15 ноября 1954 г.

²⁸ Dictamen del Consejo de Estado de 22 de Agosto de 1999 (sobre el Estatuto de Roma), No. 1.37499/99/MM

ст. 93 Конституции. Следовательно, неприменение особых процессуальных норм, предусмотренных для лиц, занимающих определенное должностное положение, не противоречит Конституции, и в частности, ст. 71, определяющей правовой статус депутатов и сенаторов²⁹. По поводу иммунитета членов Ассамблеи от ответственности за выражение мнений и голосование в Парламенте Государственный совет указал на малую вероятность коллизии, учитывая характер преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, за исключением прямого и публичного подстрекательства к геноциду.

Конституционный суд Украины в упомянутом нами заключении по *делу о Римском уставе* отметил, что положения Устава не запрещают установление и не отменяют положения Конституции Украины о неприкосновенности народных депутатов Украины, судей и т.д., а лишь исходят из того, что неприкосновенность этих лиц касается национальной юрисдикции и не может быть препятствием для осуществления юрисдикции Международного уголовного суда в отношении тех из них, которые совершили преступления, предусмотренные Уставом.

Это полностью согласуется с международно-правовыми обязательствами Украины... Положения Конституции Украины о неприкосновенности названных категорий лиц следует толковать в системной связи с положением статьи 18 Конституции Украины. Неприкосновенность определенной категории должностных лиц - это не их привилегия; она связана с выполнением ими важных государственных функций, а потому согласно Конституции Украины и международно-правовым обязательствам Украины не может рассматриваться как гарантия их безнаказанности. Неприкосновенность должностных лиц (народных депутатов Украины, судей и т.д.) предусматривает лишь специальные условия привлечения их к уголовной ответственности.

Лица, пользующиеся правом неприкосновенности, могут быть привлечены к уголовной ответственности по национальному закону, соответствующему международно-правовым обязательствам государства, посредством задействования внутригосударственных (национальных) судебных механизмов. В соответствии с положенным в основу Устава (статья 17) принципом комплиментарности, Международный уголовный суд не принимает дела к своему рассмотрению, если соответствующее лицо уже было осуждено с соблюдением надлежащей законной процедуры другим судом (в том числе национальным) за деяния, запрещенные Уставом (ст. 20). Следовательно, статья 27 Устава не противоречит частям первой, третьей статьи 80, части первой статьи 105 и частям первой, третьей статьи 126 Конституции Украины.³⁰

По вопросу об иммунитетах и совместимости норм национальных Конституций со ст. 27 Римского статута необходимо иметь в виду следующее:

Во-первых, нормы национального законодательства об указанных иммунитетах представляют собой правовые гарантии, предоставляемые на внутригосударственном уровне от преследования национальными органами уголовной юстиции. Эти нормы не могут и не должны (особенно, принимая во внимание принцип дополнительности) распространяться на преследование, осуществляемое Международным уголовным судом.

Во-вторых, никакие положения актов национального законодательства не могут трактоваться в противоречие обязательствам согласно международному обычному праву осуществлять преследование таких международных преступлений как геноцид, агрессия, преступления против человечности, военные преступления, а ведь именно подобные деяния подпадают под юрисдикцию Международного уголовного суда.

²⁹ Согласно ст. 71 (1) Конституции Испании, депутаты и сенаторы обладают неприкосновенностью. Не допускается преследование парламентариев за мнения, высказанные ими при исполнении своих обязанностей. Кроме того, ст. 71 (2) предусматривает, что в течение срока действия своего мандата депутаты и сенаторы также пользуются неприкосновенностью и не могут быть задержаны, за исключением случаев, когда они застигнуты на месте преступления. Им не может быть предъявлено обвинение, и они не могут быть привлечены к суду без согласия соответствующей палаты. См. об этом: Конституции государств Европейского Союза/ Под ред. Л.А. Окунькова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.

³⁰ *Дело о Римском уставе*, 11 июля 2001г., N 3-в/2001.

1.2. Принцип дополнительности

Дополнительность (комплиментарность) является важнейшим принципом функционирования МУС. Как отмечается в Преамбуле Римского статута, Международный уголовный суд, учрежденный на основании настоящего Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции. МУС не обладает исключительной юрисдикцией или приоритетом по отношению к юрисдикции национальных судов, которой были наделены Международные уголовные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, учрежденные Советом Безопасности согласно главе VII Устава ООН. Создание в соответствии с Римским статутом нового судебного органа с международной юрисдикцией не сопровождалось передачей суверенитета государств в области осуществления судопроизводства по уголовным делам.

Международный уголовный суд не имеет полномочий для того, чтобы на каком-либо этапе уголовного преследования, осуществляемого национальными судами, принять дело к своему производству. Весьма четко это положение отражено в ст. 17 Римского статута, согласно которой дело не может быть принято к производству, когда оно расследуется либо в отношении лица возбуждено уголовное преследование государством, обладающим соответствующей юрисдикцией либо принято решение не возбуждать уголовного преследования в отношении лица или в тех случаях, когда лицо было судимо за деяния, в связи с которыми возбуждалось дело либо оно не являлось достаточно серьезным, чтобы оправдать дальнейшие действия со стороны Суда. Исключение применительно к первым двум основаниям касается ситуаций, когда государство не желает или неспособно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом.

Анализ норм Римского статута, связанных с принципом дополнительности, еще раз подтверждает положение о том, что основная нагрузка по пресечению международных преступлений ложится на национальную судебную систему. Именно органы национальной уголовной юстиции должны осуществлять преследование и наказание лиц, виновных в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда.

В связи с концепцией дополнительности, на основе которой предполагается функционирование Суда, могут возникнуть проблемы относительно совместимости норм Статута с конституционными нормами, устанавливающими основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам. Подобные нормы предусматривают Конституции многих государств СНГ.

Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. При этом указанная статья предусматривает в части 3, что судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом.

Ст. 125 Конституции Азербайджанской Республики предусматривает, что судебную власть в Азербайджанской Республике осуществляют посредством правосудия только суды. Судебную власть осуществляют Конституционный Суд, Верховный Суд, Апелляционные суды Азербайджанской Республики, общие и другие специализированные суды Азербайджанской Республики. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского и уголовного судопроизводства и других форм, предусмотренных законом.

Конституция Молдовы (ст. 114) устанавливает, что правосудие осуществляется именем закона только судебными инстанциями. При этом перечень судебных инстанций дается в ст. 115, которая предусматривает, что правосудие осуществляется Высшей

судебной палатой, апелляционной палатой, трибуналами и судами. Кроме того, для отдельных категорий судебных дел могут действовать согласно закону специализированные суды.

Схожие либо аналогичные нормы содержатся в конституциях Украины (ст. 124), Республики Беларусь (ст. 109), Грузии (ст. 82), Республики Казахстан (ст. 75), Республики Армения (ст. 91), Туркменистана (ст. 100), Республики Узбекистан (ст. 106, 107).

Конституционные подходы к вопросам осуществления правосудия по уголовным делам в ряде случаев могут дать основание для констатации противоречий с нормами Римского статута о дополнительной (комплиментарности), поскольку первые в достаточно четкой и определенной форме устанавливают перечень органов, осуществляющих правосудие, в числе которых Международный уголовный суд не упоминается, даже принимая во внимание ограниченный круг деяний, в отношении которых он осуществляет юрисдикцию. С другой стороны, конституционные нормы не только устанавливают систему судебных органов, но и специально оговаривают тот порядок, посредством которого осуществляется правосудие. При этом деятельность международных судебных инстанций, включая и Международный уголовный суд, связанная с рассмотрением конкретных дел, находится за рамками конституционного понятия «осуществление правосудия», которое реализуется только национальной системой уголовной юстиции.

Конституционный суд Украины в своем заключении по *делу о Римском Уставе* пришел к выводу о наличии противоречий между дополнительным характером Суда и национальной Конституцией.

Как отметил Конституционный суд, в соответствии со ст. 124 Конституции Украины, правосудие на Украине отправляется исключительно судами. Передача полномочий судов, а также присвоение их функций другими органами или должностными лицами запрещается. Конституционный суд отметил, что Римский статут наделяет МУС юрисдикцией, носящей дополняющий характер по отношению к национальным системам уголовного правосудия. При этом ст. 4 (2) Статута предусматривает, что Суд может осуществлять свои функции и полномочия на территории любого государства-участника, а ст. 17 устанавливает порядок, в соответствии с которым МУС может принимать к производству дела, когда то или иное государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом. Следовательно, ратификация Статута должно предшествовать внесению поправок в Конституцию.

Однако существует целый ряд аргументов в пользу обратного (т.е. отсутствия противоречий), что подтверждается также практикой органов конституционной юстиции западных стран. Так, Конституционный совет Франции в своем постановлении от 22 января 1999 г. рассмотрел положения Римского статута, ограничивающие применение принципа дополнительной, и, в частности, ст. 17, которая предусматривает, что Суд может принять дело к рассмотрению, если имеет место нежелание или неспособность государства обеспечить расследование и уголовное преследование. Совет заключил, что ограничение принципа "дополнительности" случаями, когда то или иное государство намеренно уклоняется от выполнения своих обязательств, исходит из правила *pacta sunt servanda* (договор связывает стороны и должен добросовестно выполняться) и было сформулировано четко и ясно. Следовательно, данные ограничения не посягают на национальный суверенитет. Иные обстоятельства, такие, например, как развал или отсутствие национальной судебной системы (ст. 17 (3)), также были сочтены не препятствующими осуществлению национального суверенитета.

При рассмотрении принципа дополнительной необходимо иметь в виду, что, во-первых, Международный уголовный суд не подменяет, а дополняет национальные органы уголовной юстиции, на которых в основном и ложится обязанность по преследованию геноцида, военных преступлений и т.п. Если национальная судебная система функционирует нормально и в состоянии преследовать виновных в преступлениях,

подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, то для вмешательства последнего необходимости не возникает.

Во-вторых, Международный уголовный суд не относится к категории особых либо чрезвычайных судов, создание которых запрещается нормами национальных Конституций. Это орган с международной уголовной юрисдикцией, создаваемый с согласия государств-участников, функционирующий на основе норм и правил, признаваемых и одобряемых международным сообществом, включая и те, что относятся к правам человека.

В-третьих, дополнение национальной системы уголовной юстиции, которая не в состоянии либо не желает преследовать виновных - важная гарантия предупреждения безнаказанности лиц, совершающих преступления против человечности, геноцид, военные преступления и т.п. Подобные лица не должны иметь возможность уклониться от уголовной ответственности за содеянное.

С учетом вышеприведенного, органы конституционной юстиции имеют достаточно оснований для вывода об отсутствии противоречий с национальными конституциями в связи с принципом дополнительности, зафиксированным в Римском статуте. В этом случае, естественно, необходимости конституционных изменений не возникает.

1.4. Принцип “*ne bis in idem*”

Принцип, согласно которому никто не может быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны, имеет статус конституционного принципа в большинстве государств Содружества.

Согласно ст. 50 (1) Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

Схожие нормы предусматривают Конституции Украины (ст. 61), Азербайджанской Республики (ст. 64) и т.д. Причем указанный запрет воспроизводится также в национальном уголовном (ст. 6 (2) УК Российской Федерации, ст. 8.2 УК Азербайджанской Республики, ст. 6 УК Республики Беларусь, ст. 2 (1) УК Украины, ст. 8 УК Республики Узбекистан, ст. 8 (2) УК Республики Таджикистан, ст. 3 (3)) УК Республики Кыргызстан) либо уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 34.1 УПК Азербайджанской Республики). Римский статут также исходит из указанного выше принципа и предусматривает, что никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом (ст. 20 (1)). Однако при этом предусматривается исключение, согласно которому лицо, которое было осуждено национальными судебными органами за преступление, подпадающее под юрисдикцию МУС, может быть повторно осуждено в случаях, когда:

а) разбирательство предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

б) разбирательство не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию.

В связи с теми исключениями из принципа *ne bis in idem*, которые содержатся в Римском статуте и приведены выше, может возникнуть вопрос – не противоречат ли они конституционному положению о запрете повторного осуждения лица за одно и то же преступление? Ответ на данный вопрос предполагает уяснение сущности конституционного положения “*ne bis in idem*”.

Основное предназначение рассматриваемого запрета – это защита лица от

осуждения за одно и то же преступление в рамках юрисдикции одного и того же государства. Этот тезис подтверждается как международным правом, так и практикой международных квазисудебных органов. В частности, ст. 4 (1) Протокола N 7 от 22 января 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривает, что никто не должен быть вторично судим или наказан в уголовно-правовом порядке в рамках *юрисдикции одного и того же государства* за преступление, за которое он уже был окончательно оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом этого государства. Аналогичный подход обнаруживается и в некоторых решениях международных юрисдикционных органов. В деле *A.P. v. Italy*³¹. Комитет по правам человека истолковал данное правило как не имеющее никакого эффекта для судопроизводства в других государствах. В результате рассмотрения Комитет определил, что ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах не гарантирует *ne bis in idem* в отношении национальных юрисдикций двух или более государств. Данное правило (принцип) запрещает двойной риск только применительно к преступлению, по которому состоялось рассмотрение и вынесения решения в данном государстве.

Следует также учесть, что основная роль в преследовании преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, принадлежит национальным органам уголовной юстиции, которые призваны осуществлять преследование лиц, виновных в совершении преступлений против человечности, военных преступлений и т.д. Если эти органы нормально функционируют, не возникает необходимости для вмешательства Международного уголовного суда. Тем более это касается ситуаций, когда уголовное преследование, осуществляемое национальными судебными органами, проводится в соответствии с должными правовыми процедурами, признанными международным правом и направлено на обеспечение неотвратимости ответственности и наказания лица, а не для того, чтобы оградить виновного от заслуженного наказания.

Таким образом, представляется, что исключения из принципа *ne bis in idem*, содержащиеся в ст. 20 (1) Римского статута, не входят в противоречие с конституционным положением о запрете повторного осуждения лица. Последнее не гарантирует защиту от повторного осуждения за одно и то же преступление в пределах уголовной юрисдикции другого государства и, тем более, защиту от юрисдикции международных судебных органов.

1.5. Помилование

Определенные проблемы в связи с ратификацией Римского статута могут возникнуть по поводу внутрисударственных прерогатив в области помилования осужденных лиц, которые, как правило, осуществляются высшими должностными лицами государства.

Например, в соответствии со ст. 89 (в) Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации осуществляет помилование. Подобные нормы предусматривают конституции Азербайджанской Республики (ст. 109, пункт 22), Беларуси (ст. 84, пункт 19), Грузии (ст. 73, пункт «о»), Республики Казахстан (ст. 44, пункт 15), Республики Кыргызстан (ст. 46 (4, пункт «4»)), Республики Молдова (ст. 88, пункт «е»), Украины (ст. 106, пункт 27) и т.д..

В отличие от предусмотренной национальным законодательством возможности смягчения наказания осужденному, ст. 110 Статута устанавливает, что государство исполнения приговора не может освободить лицо до истечения наказания по приговору, вынесенному Судом. При этом вопрос о смягчении может возникнуть лишь в том случае,

³¹U.N. Doc. CCPR/C/OP/1 at 67 (1987).

если лицо, осужденное Судом, будет отбывать наказание на территории какого-либо государства-участника Статута, являющегося членом СНГ. Необходимо иметь в виду, что отбывание наказания, вынесенного Судом, имеет определенную специфику.

Согласно ст. 103 Римского статута, наказание в виде лишения свободы отбывается в государстве, назначаемом Судом из перечня государств, уведомивших МУС о своей готовности принять лиц, которым вынесен приговор. В то время, когда государство делает заявление о готовности принять лиц, которым вынесен приговор, оно может указать условия такого принятия по согласованию с Судом и в соответствии с частью «в» ст. 103. Государство, назначенное для отбытия наказания в виде лишения свободы по конкретному делу, незамедлительно информирует Суд о том, соглашается ли оно с произведенным Судом назначением.

Вынесенный Международным уголовным судом приговор к лишению свободы является обязательным для государств участников, которые не могут изменять его ни при каких обстоятельствах. Что же касается решения об уменьшении срока наказания, то это относится к исключительной прерогативе Суда. Таким образом, государства лишены возможности влиять на сроки исполнения наказаний, определенных Судом.

В этой связи может возникнуть вопрос - являются ли совместимыми с нормами национального законодательства, касающимися вопросов помилования осужденных, нормы Римского статута об отбывании назначенного судом наказания в виде лишения свободы? Как уже отмечалось, проблема может возникнуть лишь в том случае, если государство заявит о своей готовности принять лиц, приговоренных к лишению свободы МУС, и будет выбрано из соответствующего перечня. Представляется, что необходимости внесения каких либо корректив в национальное законодательство по поводу внутригосударственных прерогатив в области помилования в связи с отбыванием лишения свободы лицами, осужденными МУС, не требуется.

Прежде всего, как показывает системное толкование соответствующих норм национального законодательства, они предусматривают возможность помилования лиц, осужденных национальными судами согласно нормам действующих уголовных кодексов. Помилование осуществляется именно в отношении данной категории лиц. Правда, из указанного порядка существует исключение, предусматриваемое международными договорами стран СНГ.

В частности, Европейская конвенция о передаче осужденных от 21 марта 1983 г. согласно ст. 12 предусматривает, что каждая сторона может объявить помилование, амнистию или уменьшить меру наказания в соответствии с действующей Конституцией или другими правовыми актами³². Возможность помилования осужденного, переданного для отбывания наказания, предусматривают и международные договора СНГ об оказании правовой помощи по уголовным делам либо передаче осужденных.

Например, Договор о правовой помощи между Азербайджанской Республикой и Грузией от 8 марта 1996 г. (ст. 74 (2)) предусматривает, что вопрос о помиловании осужденного решается в соответствии с законодательством Договаривающейся Стороны, которой он передан для отбывания наказания.

Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания от 16 января 1998 г. о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы в ст. 11(2) устанавливает, что помилование и амнистию могут осуществлять как государство вынесения приговора, так и государство исполнения приговора.

Схожие нормы содержат договоры о передаче осужденных между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 26 мая 1994 г.; между Республикой

³² Информация о государствах-участниках Конвенции о передаче осужденных (по состоянию на 23 декабря 2002 г.) получена из: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/EN/>. Даты ратификации или присоединения: Азербайджанская Республика – 25 января 2001 г.; Грузия - 21 октября 1997 г.; Республика Армения– 11 мая 2001 г.; Украина - 28 сентября 1995 г. Кроме того, данная конвенция 6 мая 1997 г. подписана Республикой Молдова.

Казахстан и Украиной от 17 сентября 1999 г.; между Республикой Узбекистан и Азербайджанской Республикой от 18 июня 1997 г. и т.д.

Однако в указанных случаях, во-первых, речь идет о возможности помилования переданных для отбывания наказания граждан стран СНГ, которые осуждены судами иностранных государств; во-вторых, сами международные договоры предусматривают возможность помилования либо иного смягчения наказания. Ни национальные правовые акты, ни международные договоры стран СНГ не предусматривают возможности помилования на внутригосударственном уровне правонарушителей, осужденных *международными судебными трибуналами*. Подобная возможность исключается Римским статутом в отношении государства исполнения приговора. Статут в ст. 110 (2) предусматривает, что только Суд имеет право принимать решение о каком-либо уменьшении срока наказания и принимает постановление по этому вопросу, выслушав лицо. После того, как лицо отбыло две трети срока наказания или 25 лет в случае пожизненного лишения свободы, Суд осуществляет обзор приговора с тем, чтобы определить, следует ли уменьшить назначенный по этому приговору срок наказания.

Опыт органов конституционной юстиции многих государств свидетельствует, что конституционные нормы о помиловании не вступают в противоречие с соответствующими нормами Статута.

Рассматривая вопрос о соответствии положений Римского статута французскому законодательству, Конституционный Совет Франции в своем решении от 22 января 1999 г. указал, что положения части 10 Статута ... не нарушают ни основных условий осуществления национального суверенитета по исполнению приговоров, ни ст. 17 Конституции, поскольку Франция при уведомлении о готовности принять осужденных может указать условия такого принятия и, в частности, касающегося применения национального законодательства по исполнению приговоров³³.

В заключении Государственного совета Бельгии от 21 апреля 1999 г. по законопроекту об одобрении Римского статута Международного уголовного суда было отмечено, что осуществление права на помилование, предусмотренное статьями 110 и 111 Конституции Бельгии, не противоречит Римскому статуту, поскольку носит территориальный характер и может применяться только в отношении наказаний, назначенных бельгийскими судами³⁴.

Представляется, что положения ст. 103 Статута снимают проблему коллизии с нормами национального законодательства и национальной правовой практикой в области исполнения уголовных наказаний и, в частности, связанной с возможностью помилования, ибо в случае, когда государство, соглашаясь принять лиц, осужденных МУС к лишению свободы, заявляет при этом, что может их помиловать, то в такой ситуации Суд, естественно, отдаст предпочтение стране, которая ни при каких обстоятельствах не будет изменять приговора. Государство исполнения приговора должно принять осужденного без последующего изменения приговора, поскольку любое иное не позволит МУС выбрать данное государство для исполнения приговора.

РАЗДЕЛ II. ТЕКУЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Обеспечение совместимости Римского статута с актами текущего законодательства (уголовного, уголовно-процессуального и т.д.) представляет собой одну из важнейших задач имплементации, поскольку создает надлежащие условия для осуществления сотрудничества государств-участников с Судом.

³³ Conseil Constitutionell, Paris, Decision No. 98-408 DC of 22 January 1999. P. 472.

³⁴ Avis du Conseil d'Etat du 21 avril 1999 sur un projet de loi "portant assentiment au Statut de Rome de la Cour penale internationale, fait a Rome le juillet 1998". Parliametary Docement 2-239 (1999-2000). P. 94.

Во-первых, необходимо, чтобы национальное уголовное законодательство отражало весь спектр тех деяний, которые подпадают под юрисдикцию Суда (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия). Государства СНГ участники Римского статута должны иметь возможность уголовного преследования за указанные преступления, поскольку согласно принципу дополнительности Суд будет функционировать лишь в случае, если национальная судебная система не сможет (либо не пожелает) наказывать преступников.

Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство должно быть адаптировано для целей сотрудничества с МУС. Для этого можно внести соответствующие изменения в УПК либо принять специальный закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом. Думается, что второй вариант был бы более желателен, поскольку нормы национальных УПК регламентируют процессуальные вопросы уголовного преследования, осуществляемого национальными органами, а с другой стороны, оказание правовой помощи по уголовным делам, регламентируемое УПК ряда стран СНГ охватывает только сферу межгосударственного сотрудничества.

В-третьих, следовало бы создать организационно-правовой механизм для того, чтобы при соответствующих обстоятельствах обеспечить надлежащее функционирование Суда. В частности, это относится к возможности для Суда заседать на территории государств, обеспечению привилегий и иммунитетов МУС, исполнения приговоров, вынесенных Судом и т.д.

2.1. Уголовное законодательство (Общая часть)³⁵

2.1.1. Неприменение сроков давности

В соответствии со ст. 11 («Юрисдикция *ratione temporis*»), Суд не обладает юрисдикцией в отношении преступлений, совершенных до вступления Статута в силу. Однако, что касается преступлений, совершенных после 1 июля 2002 г. (официальная дата вступления в силу Статута в соответствии со ст. 126) и подпадающих под юрисдикцию Суда, то согласно ст. 29 применительно к ним не устанавливается никакого срока давности.

Страны СНГ³⁶ (Азербайджанская Республика³⁷, Российская Федерация³⁸, Республика Беларусь³⁹, Грузия⁴⁰, Республика Молдова⁴¹, Украина⁴² и т.д.) являющиеся участниками одного из важнейших международных договоров, касающихся режима уголовного преследования тяжких международных преступлений – Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 г. в соответствии со ст. IV имплементировали свои обязательства в

³⁵ В обзоре рассмотрено уголовное законодательство только тех стран СНГ, которые осуществили реформы уголовного законодательства. Ссылки на уголовные кодексы даются по следующим изданиям: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2001; Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2001; Уголовный кодекс Грузии. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2002; Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2001; Уголовный кодекс Республики Кыргызстан. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2002; Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Изд. ИНФРА-М, 2002; Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2001; Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2001; Уголовный кодекс Украины. СПб.: Изд. «Юр. центр Пресс», 2001.

³⁶ Информация о государствах-участниках Конвенции о неприменимости сроков давности (по состоянию на 9 октября 2001 г.) получена из: <http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/treaty6.htm>.

³⁷ Присоединилась 16 августа 1996 г.

³⁸ Ратифицировала 22 апреля 1969 г.

³⁹ Ратифицировала 8 мая 1969 г.

⁴⁰ Присоединилась 31 марта 1995 г.

⁴¹ Присоединилась 26 января 1993 г.

⁴² Ратифицировала 16 июня 1969 г.

национальном уголовном законодательстве. С другой стороны, неприменимость сроков давности в отношении таких деяний как преступления против человечности и военные преступления, рассматривается как норма обычного международного права, которая может быть реализована во внутригосударственном законодательстве независимо от участия в Конвенции 1968 г.

В целом уголовное законодательство стран СНГ придерживается принципа неприменимости срока давности в отношении указанной выше категории преступлений.

Согласно ст. 78 (5) УК Российской Федерации, к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренные ст. 353, 356, 357 и 358 сроки давности не применяются.

В соответствии со ст. 60 Уголовного кодекса Республики Молдова⁴³ предельный срок давности в отношении особо тяжкого деяния составляет 25 лет со дня совершения преступления. Часть (8) этой же статьи устанавливает, что срок давности не применяется к лицам, совершившим преступления против мира, безопасности человечества, военные преступления или другие преступления, предусмотренные международными договорами, участником которых является Республика Молдова.

Схожие либо аналогичные нормы предусматривают УК Азербайджанской Республики (ст. 75.5), Грузии (ст. 71 (5)), Республики Узбекистан (ст. 69)⁴⁴, Республики Таджикистан (ст. 75 (6))⁴⁵, Республики Кыргызстан (ст. 73 (4))⁴⁶, Республики Казахстан (ст. 69), Украины (ст. 49 (5))⁴⁷.

Следует заметить, что законодательство некоторых стран СНГ (в частности, Азербайджанская Республика, Грузия, Республика Беларусь, Республика Таджикистан) в данном вопросе продвинулось дальше положений Конвенции 1968 г. Как известно, указанная Конвенция не предусматривает принципа неприменения сроков давности в отношении серьезных нарушений, совершенных в период немеждународного вооруженного конфликта. Однако с учетом того, как определены военные преступления в уголовном законодательстве указанных стран, рассматриваемый принцип применяется к соответствующим преступлениям независимо от того, совершены ли они в период международного либо немеждународного вооруженного конфликта. Подобный подход может быть принят во внимание при дальнейшем совершенствовании национального уголовного законодательства стран СНГ.

2.1.2. Уголовные наказания и исполнение приговоров

Римский статут не предусматривает смертной казни за совершенные преступления как и Уставы Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде.

Согласно ст. 77 Статута, в качестве основного наказания предусматривается лишение свободы, которое может быть срочным (не более тридцати лет) либо пожизненным в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными свойствами лица, признанного виновным в его совершении.

Поскольку конституционное законодательство стран СНГ не содержит запрета на пожизненное заключение, особых проблем в этой связи не возникает.

Уголовные кодексы большинства стран СНГ предусматривают данное наказание в системе уголовно-правовых мер.

Например, Уголовный кодекс Азербайджанской Республики в ст. 42.0.13

⁴³ Принят 18 апреля 2002 г., введен в действие с 1 октября 2002 г.

⁴⁴ Принят 22 сентября 1994 г., вступил в силу с 1 апреля 1995 г.

⁴⁵ Принят 21 мая 1998 г., введен в действие с 1 сентября 1998 г.

⁴⁶ Принят 18 сентября 1997 г.

⁴⁷ Принят 5 апреля 2001 г., вступил в силу с 1 сентября 2001 г.

предусматривает данное наказание в перечне мер уголовно-правового воздействия, а ст. 57.1 среди особо тяжких деяний, за которые оно может быть назначено указывает *преступления против человечности и военные преступления*.

Пожизненное лишение свободы (пожизненное заключение, бессрочное лишение свободы) предусматривают УК Российской Федерации (ст. 45 (1); ст. 57), Украины (ст. 51, пункт 12; ст. 64), Республики Беларусь (ст. 48 (1, пункт 10); ст. 58)⁴⁸, Грузии (ст. 40, пункт «и»; ст. 51), Республики Молдова (ст. 71).

Уголовное законодательство Республики Кыргызстан, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Республики Казахстан не предусматривают пожизненного лишения свободы в системе уголовных наказаний. Однако согласно ст. 49 (3) УК Казахстана, смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы либо лишением свободы сроком на двадцать пять лет.

Некоторые расхождения национального уголовного закона и Римского статута могут касаться сроков наказания в виде лишения свободы. Эти сроки в УК стран СНГ установлены следующим образом: до двадцати лет – Азербайджанская Республика (ст. 55.4), Российская Федерация (ст. 56 (2)), Грузия (ст. 50 (2)), Республика Казахстан (ст. 48 (3)), Республика Узбекистан (ст. 50), Республика Таджикистан (ст. 58 (2)), Республика Кыргызстан (ст. 49 (2)); до двадцати пяти лет – Республика Беларусь (ст. 57 (1)); до пятнадцати лет - Украина (ст. 63 (2))

В то же время в соответствии со ст. 77 (1, «а») Статута максимальная продолжительность лишения свободы не может составлять более тридцати лет. Однако, хотя и положения Римского статута не налагают на государства обязательства по внесению изменений в уголовное законодательство в части, регламентирующей вопросы применения наказаний, государства СНГ в случае ратификации Римского статута могут воспользоваться своими суверенными полномочиями и модифицировать нормы Уголовных кодексов, увеличив продолжительность лишения свободы, а также введя в систему наказаний пожизненное заключение.

Определенные проблемы могут возникнуть при исполнении приговоров к лишению свободы, в особенности, если наказание отбывается на территории государства, законодательство которого предусматривает меньшую максимальную продолжительность лишения свободы, чем это предусмотрено Римским статутом и назначено МУС виновному лицу.

Как известно, ст. 103 (1, «а») Статута определяет, что наказание в виде лишения свободы отбывается в государстве, назначаемом из перечня государств, уведомивших МУС о своей готовности принять лиц, которым вынесен приговор. Как же быть в случае, когда преступник осужден к лишению свободы на срок до тридцати лет, а уголовное законодательство в определении верхнего предела наказания исходит из меньшего срока? Разработчики Римского статута учли подобную возможность, включив в ст. 103 (1, «в») указание о том, что, когда государство делает заявление о готовности принять осужденного, то оно может указать условия такого принятия по согласованию с Судом и в соответствии с положениями части десятой Статута. Кроме того, государство обязано уведомить МУС о любых обстоятельствах, которые могут физически повлиять на условия и продолжительность лишения свободы. Таким образом, государство может заявить о невозможности принять для отбывания наказания лиц, которым назначено лишение свободы на срок, превышающий максимальный предел, установленный национальным законодательством. Например, Испания в своем ратификационном Законе указала, что готова принять лиц, осужденных Международным уголовным судом с условием, что срок осуждения не будет превышать максимального предела, установленного для аналогичных преступлений испанским законодательством. Подобное заявление может сделать любое государство СНГ, ратифицировавшее Статут и выражающее готовность принять для

⁴⁸ Принят 2 июня 1999 г., вступил в действие с 1 января 2000 г.

отбывания наказания лиц, осужденных Судом.

2.1.3. Основания освобождения от уголовной ответственности

Римский статут предусматривает различные виды освобождения от уголовной ответственности, среди которых указываются: наличие психического заболевания или расстройства, лишаящего лицо возможности осознавать противоправность своего деяния либо его характер или соотносить свои действия с требованиями закона (ст. 31 (1, «a»)); нахождение лица в состоянии интоксикации (ст. 31 (1, «b»)); действия для защиты другого лица или важного имущества (ст. 31 (1, «c»)); действия, являющиеся вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти или неминуемого причинения тяжких телесных повреждений (ст. 31 (1, «d»)).

Совершение деяния при указанных выше обстоятельствах (невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость), согласно уголовному законодательству стран СНГ исключает его противоправность. Ссылки на это содержат УК Азербайджана – ст. 21, 36, 38; Российской Федерации – ст. 21, 37, 39; Республики Беларусь – ст. 34, 36; Грузии – ст. 28, 30, 34 и т.д.

Уголовные кодексы стран СНГ не предусматривают лишь такого основания для освобождения от ответственности, охватываемого Римским статутом как нахождение лица в состоянии интоксикации. Напротив, в ряде случаев исключается возможность освобождения от ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, независимо от его причин (например, использование алкоголя, наркотических, сильнодействующих средств)⁴⁹ либо данное обстоятельство отягчает ответственность виновного⁵⁰.

Каких-либо имплементационных мер в связи с основаниями для освобождения от ответственности не требуется, поскольку в любом случае применимость этих оснований согласно ст. 31 (2) определяется МУС.

2.2. Уголовное законодательство (Особенная часть)

2.2.1. Преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС

Юрисдикция Международного уголовного суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. Согласно ст. 5 (1) МУС обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления; г) преступление агрессии.

Указанные преступления опираются на такие важнейшие договорные источники как Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и т.д., большинство положений которых являются частью международного обычного права. Поэтому необходимость пресечения таких деяний как военные преступления, геноцид и т.п. возникает независимо от участия государства в вышеуказанных договорах⁵¹. Таким образом, криминализация преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, с одной стороны, позволяет имплементировать договорные обязательства государств либо реализовать нормы международного обычного

⁴⁹ Ст. 23 УК Азербайджана

⁵⁰ Ст. 67 (1, пункт 13) УК Украины; ст. 64 (1, пункт 17) УК Республики Беларусь

⁵¹ См. об этом: Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. “Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него” // *International Court of Justice Reports*. Vol. 15. 1951.

права в сфере пресечения тяжких международных преступлений, в борьбе с которыми проявляет заинтересованность все международное сообщество, с другой стороны, дает возможность самому государству осуществить преследование геноцида, военных преступлений и т.д., сводя к минимуму ситуации, когда дело может быть согласно принципу дополнительности принято к производству МУС.

а) Геноцид

Ст. 6 Римского статута (“геноцид”) воспроизводит ст. II Конвенции геноцида 1948 г. Большинство стран СНГ является стороной Конвенции⁵² и имплементировали свои обязательства, предусмотрев уголовную ответственность за геноцид. Вместе с тем, учитывая, что принципы, лежащие в основе Конвенции, признаны в международном праве в качестве обязательных даже без каких-либо договорных обязательств, все государства обязаны преследовать геноцид, поскольку осуждение этого преступления носит универсальный характер.

Уголовное законодательство всех государств СНГ предусматривают ответственность за геноцид. Это деяние охватывается уголовными кодексами Азербайджана (ст. 103), Российской Федерации (ст. 357), Грузии (ст. 407), Украины (ст. 442), Республики Узбекистан (ст. 153), Республики Кыргызстан (ст. 373), Республики Таджикистан (ст. 398), Республики Беларусь (ст. 127), Республики Казахстан (ст. 160) и т.д. Так же, как в конвенционном определении и ст. 7 Римского статута, национальные уголовные кодексы для квалификации преступления не устанавливают условия фактического уничтожения идентифицируемой группы; достаточно, если совершено одно из действий, составляющих объективную сторону состава геноцида, но с обязательным условием – намерением подобного уничтожения.

Соответствие дефиниций геноцида по Конвенции 1948 г. и предусматриваемых национальным уголовным законодательством стран СНГ представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет обеспечить адекватность объективных (*actus reus*) и субъективных (*mens rea*) характеристик данного деяния в уголовных кодексах и ст. 7 Римского статута, которое также опирается на конвенционное определение.

в) Военные преступления

Согласно ст. 8 Статута, Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений. При этом в ст. 8 (2) различаются четыре категории военных преступлений:

а) серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. Римский статут воспроизводит определения, содержащиеся в указанных Конвенциях – в ст. 50 Женевской конвенции “Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях” (ЖК I); ст. 51 Женевской конвенции “Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение” (ЖК II); ст. 130 Женевской конвенции “Об обращении с военнопленными” (ЖК III); ст. 147 Женевской конвенции “О защите гражданского населения во время войны” (ЖК IV);

б) серьезные нарушения законов и обычаев, применяемых во время международных вооруженных конфликтов, дефиниции которых опираются на такие международные источники как Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям, Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., Гаагская декларация о легко разворачивающихся и сплюсчивающихся пулях 1899 г., Женевский протокол о применении газов 1925 г.;

⁵² Информация о государствах-участниках Конвенции получена из: <http://www.unhcr.ch/html/menu3/b/treaty1gen.htm>): Азербайджанская Республика – 16 августа 1996 г.; Республика Беларусь – 11 августа 1994 г.; Грузия – 11 октября 1993 г.; Республика Казахстан – 26 августа 1998 г.; Республика Молдова – 26 января 1993 г.; Российская Федерация - 3 мая 1994 г.; Украина – 15 ноября 1994 г.; Республика Узбекистан – 9 сентября 1999 г. и т.д.

в) серьезные нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций, применяемой в вооруженных конфликтах немеждународного характера;

г) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применяемых во время немеждународных вооруженных конфликтов, дефиниции которых основываются на Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям, Гаагском положении о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и т.д.

Страны СНГ, ратифицировавшие Женевские конвенции 1949 г. либо присоединившиеся к ним⁵³ несут обязанность по имплементации их положений, и в том числе, в сфере преследования военных преступлений. Меры по криминализации военных преступлений в национальном уголовном законодательстве осуществлены многими государствами СНГ, однако лишь УК Азербайджана, Республики Беларусь, Грузии и Республики Таджикистан являются совместимыми с Римским статутом в части определения военных преступлений, причем ответственность за указанные деяния наступает независимо от ситуации конфликта, который может быть как международным, так и внутренним.

Достаточно близка к отмеченным выше уголовным кодексам позиция УК Украины, которая в ст. 438 предусмотрела ответственность за нарушение законов и обычаев войны, хотя и не охватила полный перечень деяний, составляющих согласно ст. 8 Статута военные преступления.

Многие государства СНГ, реформировавшие свои уголовные кодексы, предусмотрели разделы об ответственности за преступления против мира и человечности. Однако при этом военные преступления как они определены в ст. 8 Статута не получили в них адекватного отражения. Поэтому в случае принятия в соответствии с национальным законодательством решения о ратификации Статута возникнет необходимость осуществления соответствующих имплементационных мер.

с) Преступления против человечности

Римский статут Международного уголовного суда является первым международным договором универсального характера, который содержит определение преступлений против человечности. В ст. 7 Римского статута предусмотрен широкий перечень деяний, рассматриваемых как преступления против человечности. При этом Статут, давая определение преступлений против человечности, не требует увязки с каким-либо вооруженным конфликтом, хотя и оговаривает условия, при которых могут совершаться преступления против человечности: согласно ст. 7 (1) «преступления против человечности» означают соответствующие деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц и, если такое нападение совершается сознательно.

Как показывает сравнительное изучение УК стран СНГ, в большинстве случаев они не предусматривают ответственности за преступления против человечности. Частично подобная ответственность предусмотрена УК Республики Беларусь, ст. 128 которой («Преступления против безопасности человечества») охватывает такие действия как депортация, незаконное содержание в заключении, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует

⁵³ Информация о государствах-участниках Конвенции получена из: <http://www.icrc.org>. Даты ратификации или присоединения: Азербайджанская Республика – 1 июня 1993 г.; Российская Федерация 10 мая 1954 г.; Республика Беларусь – 3 августа 1954 г.; Грузия – 14 сентября 1993 г.; Республика Казахстан – 5 мая 1992 г.; Республика Армения – 7 июня 1993 г.; Республика Кыргызстан – 18 сентября 1992 г.; Республика Молдова – 24 мая 1993 г.; Республика Таджикистан – 13 января 1993 г.; Туркменистан – 14 апреля 1992 г.; Украина – 3 августа 1954 г.; Республика Узбекистан – 8 октября 1993 г.

их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью.

Уголовное законодательство Грузии предусматривает специальную норму о преступлениях против человечности (ст. 408 УК), которая также как и ст. 7 Римского статута не требует для квалификации связи с вооруженным конфликтом, хотя и по своему охвату (убийства, массовое истребление, депортация и иные антигуманные деяния, причиняющие серьезный ущерб физическому или психическому состоянию человека) уже определения, содержащегося в ст. 7 Статута.

Отдельные составы преступлений против человечности охватываются и ст. 403 УК Республики Таджикистан (депортация, применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации и повлекшее за собой смерть или серьезный ущерб физическому или психическому состоянию любого лица, пытки и т.д.), хотя и в отличие от Римского статута в данной статье речь идет о деяниях, совершенных в ходе вооруженного конфликта.

Уголовные кодексы некоторых стран СНГ (в частности, Республики Казахстан) предусматривают отдельные составы преступлений (например, депортацию), охватываемые ст. 7 Римского статута, однако это не позволяет сделать вывод о соответствии трактовок преступлений против человечности национальных УК и норм Статута.

Практически совместимыми со ст. 7 Статута является нормы УК Азербайджанской Республики.

Во-первых, в действующем Уголовном кодексе предусматривается специальный раздел о преступлениях против человечности. При этом примечание к ст. 103, давая определение преступлений против человечности, предусматривает в качестве таковых умышленные деяния, являющиеся составной частью широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население, совершенные в мирное время либо в период войны. Таким образом, национальное уголовное законодательство так же, как и Римский статут не увязывает трактовку преступлений против человечности с вооруженным конфликтом, с другой стороны, УК, определяя категорию соответствующих преступлений, опирается на критерии, предусмотренные в ст. 7 Римского статута.

Во-вторых, уголовное законодательство Азербайджанской Республики отразило практически весь тот спектр деяний, которые квалифицируются в качестве преступлений против человечности согласно ст. 7 Статута. Раздел шестнадцатый Уголовного кодекса Азербайджанской Республики предусматривает ответственность за такие действия, как истребление (ст. 105), порабощение (ст. 106), депортация или насильственное перемещение населения (ст. 107), сексуальное насилие (ст. 108), принудительная беременность (ст. 108-1), преследование (ст. 109), насильственное исчезновение людей (ст. 110), преступление апартеида (ст. 111), лишение свободы в нарушение норм международного права (ст. 112), пытки (ст. 113).

В случае ратификации странам СНГ будет необходимо предусмотреть ответственность за преступления против человечности как они даны в ст. 7 Статута, включая отсутствие увязки с каким-либо вооруженным конфликтом.

в) Агрессия

Преступление агрессии оказалось единственным из деяний, подпадающих под юрисдикцию МУС, упоминание о котором в Римском статуте носит декларативный характер.

Согласно ст. 5 (2), Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со ст. 121 и 123 положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия при которых Суд

осуществляет юрисдикцию касательно данного деяния. Такое положение соотносится с соответствующими положениями Устава ООН.

Агрессия является исключительным по своей тяжести международным преступлением, причем преступность агрессии неоднократно находила свое выражение в важнейших международно-правовых документах, и в частности, Уставе Нюрнбергского трибунала и нюрнбергских принципах (см. резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 г. “Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала”), проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 16) и т.д.

Кроме того, уже в ст. 1 (1) Устава ООН предусмотрено, что одной из целей Организации Объединенных Наций является поддержание международного мира и безопасности и принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления *актов агрессии*, а ст. 2 (4) в качестве одного из важнейших принципов провозгласила *воздержание от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН*.

Важнейшее место среди международно-правовых документов по проблеме агрессии имело принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г., в которой было дано определение агрессии. Согласно ст. 2 резолюции Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1974 г., агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении.

Подавляющее число государств на Римской конференции, высказались за включение агрессии в юрисдикцию МУС, разногласия же касались дефиниции агрессии и условий осуществления юрисдикции в отношении данного деяния.

Большинство стран СНГ в принципе предусматривают уголовную ответственность за агрессивную войну (УК Азербайджанской Республики – ст. 101; Российской Федерации – ст. 353; Республики Беларусь – ст. 122; Грузии – ст. 404; Республики Молдова – ст. 139 и т.д.). В указанных статьях речь идет о планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны.

Несколько отличную от законодательства других стран трактовку содержит ст. 437 (1) УК Украины, которая устанавливает уголовную ответственность за планирование, подготовку либо развязывании агрессивной войны или военного конфликта, а равно участие в сговоре, направленном на совершение таких действий.

Уголовный кодекс Узбекистана использует термин “агрессивная война” в диспозиции ст. 151, а название самой статьи дается как “агрессия”. Кроме того, часть 1 ст. 151, так же, как и УК Украины, устанавливает ответственность не только за планирование или подготовку агрессивной войны, но и за участие в заговоре для осуществления этих действий.

В целом, ответственность, установленная уголовным законодательством стран СНГ за агрессию либо агрессивную войну, опирается на довольно узкую трактовку, не содержащую всего состава тех действий, которые могут быть квалифицированы как агрессия.

На третьем заседании подготовительной комиссии (ноябрь 1999 г.) была создана рабочая группа по преступлению агрессии, которая занята выработкой приемлемого определения. После того, как данное определение будет принято и с учетом ратификации Римского статута потребуются внесение изменений в национальное уголовное законодательство.

2.2.2. Преступления против отправления правосудия МУС

Согласно ст. 70 (1) Римского статута, МУС обладает юрисдикцией в отношении следующих совершенных умышленно преступлений против правосудия: а) дача ложных показаний после принятия обязательства в соответствии с пунктом 1 ст. 69 давать правдивые показания; в) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств; с) оказание противоправного воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний, воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору; d) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять надлежащим образом его обязанности; е) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что данное или иное должностное лицо выполняло свои обязанности; f) вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями.

При этом ст. 70 (4, «а») предусматривает, что каждое государство-участник распространяет свое уголовное законодательство, устанавливающее меры наказания за преступления, направленные против проведения расследований и осуществления судопроизводства, на преступления против отправления правосудия, указанные в настоящей статье, совершенные его гражданином либо на его территории.

Как показывает сравнительный анализ, уголовные кодексы стран СНГ предусматривают специальные разделы о преступлениях против правосудия, который охватывает составы следующих деяний:

воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного следствия (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 286; Российской Федерации – ст. 294; Грузии – ст. 364; Республики Казахстан - ст. 339; Республики Кыргызстан – ст. 317, 318; Республики Таджикистан – ст. 345 и т.д.);

посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие либо предварительное следствие (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 287; Российской Федерации – ст. 295; Республики Казахстан - ст. 340; Республики Кыргызстан – ст. 319; Республики Таджикистан – ст. 357; Украины – ст. 379 и т.д.);

угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного следствия (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики – ст. 288; Российской Федерации – ст. 296; Республики Беларусь – ст. 388, 389; Грузии – ст. 365; Республики Казахстан - ст. 341; Республики Кыргызстан – ст. 320; Республики Таджикистан – ст. 356; Украины – ст. 377);

неуважение к суду (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 289; Российской Федерации – ст. 297; Республики Беларусь – 391; Грузии – ст. 366; Республики Казахстан – ст. 342; Республики Кыргызстан – ст. 321 и т.д.);

принуждение к даче показаний (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 293; Российской Федерации – ст. 302; Республики Беларусь – ст. 394; Грузии – ст. 372; Республики Казахстан – ст. 347; Республики Кыргызстан – ст. 325; Республики Таджикистан – ст. 354; Республики Узбекистан – ст. 235; Украины – ст. 373 и т.д.);

фальсификация доказательств (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 294; Российской Федерации – ст. 303; Республики Беларусь – ст. 395; Грузии – ст. 369; Республики Казахстан – ст. 348; Республики Кыргызстан – ст. 326; Республики Таджикистан – ст. 359 и т.д.);

заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 297; Российской Федерации – ст. 307; Республики Беларусь – ст. 401; Грузии – ст. 370; Республики Казахстан – ст. 352;

Республики Кыргызстан – ст. 330; Республики Таджикистан – ст. 351; Республики Узбекистан – ст. 238; Украины - ст. 384 и т.д.);

подкуп или принуждение к даче показаний, уклонению от дачи показаний или к неправильному переводу (уголовные кодексы: Азербайджанской Республики - ст. 299; Российской Федерации – ст. 309; Грузии – ст. 372; Республики Казахстан – ст. 354; Республики Кыргызстан – ст. 332; Республики Таджикистан – ст. 353. и т.д.).

Кроме того, уголовные кодексы стран СНГ предусматривают также состав такого преступления как получение взятки.

Как показывает сравнительный анализ, уголовное законодательство СНГ в целом охватывает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Римского статута, что в свою очередь, снимает с повестки дня вопрос о внесении основательных изменений в уголовные кодексы. С учетом положений ст. 70 (4, «а») Статута ничто не препятствует распространить нормы национального уголовного законодательства на преступления против отправления правосудия Судом.

В случае, если какое-либо из деяний, о которых идет речь в ст. 70 Статута, все же не предусмотрено в национальном уголовном законодательстве, не исключается возможность соответствующих изменений и дополнений в УК.

2.3. Уголовно-процессуальное законодательство

2.3.1. Рассмотрение уголовных дел судом присяжных

Согласно ст. 39 (2, “в”) Статута, разбирательство в отношении лица, переданного Суду, осуществляется Судебной палатой, состоящей из трех судей. В этой связи может возникнуть вопрос о соответствии Статуту национального уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего рассмотрение отдельных категорий дел судом присяжных.

Возможность подобного рассмотрения установлена в УПК Российской Федерации, Азербайджанской Республики и т.д.

В частности, Раздел XII УПК Российской Федерации посвящен особенностям производства в Суде с участием присяжных заседателей. Согласно ст. 325 (2) УПК, уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом присяжных заседателей, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе.

По УПК Азербайджанской Республики (ст. 359) дело может быть рассмотрено с участием присяжных, если за преступление, в совершении которого обвиняется лицо, предусматривается возможность назначения пожизненного лишения свободы, либо если лицо, которому предъявлено обвинение в совершении особо тяжкого преступления, изъявляет желание о рассмотрении его дела присяжными.

Однако, является вполне очевидным, что порядок участия присяжных, предусмотренный национальным законодательством, связанный с осуществлением уголовного преследования, осуществляемого внутригосударственными органами, не может автоматически распространяться на рассмотрение дела в международных судебных инстанциях, по поводу учреждения и специфической компетенции которых, включая и процедуру рассмотрения дел, государства выразили свое согласие. Кроме того, разбирательство уголовных дел в МУС будет осуществляться в соответствии с самыми высокими международными стандартами, гарантирующими права участников процесса и без участия присяжных заседателей. Надлежит также принимать во внимание, что правосудие от имени международного сообщества будут осуществлять судьи, обладающие самой высокой профессиональной квалификацией и высокими моральными

качествами, являющиеся независимыми и беспристрастными. Все указанное в совокупности с другими нормами Статута обеспечивает надлежащие гарантии законного и справедливого разбирательства дела МУС.

Таким образом, установленные национальным уголовно-процессуальным законодательством процедуры по рассмотрению уголовных дел присяжными заседателями применяются только в рамках производства по делу, которое реализуется *национальными судебными органами*, а это не создает каких-либо проблем для рассмотрения дел МУС.

2.3.2. Оказание правовой помощи по уголовным делам и сотрудничество с МУС

Согласно ст. 86 Римский статут обязывает государств-участников всесторонне сотрудничать с Судом в проведении им расследования преступлений, подпадающих под его юрисдикцию и в осуществлении уголовного преследования за эти преступления. При этом с учетом того, что в вопросах оказания правовой помощи будет применяться внутригосударственное законодательство, Статут устанавливает обязательство для государств по обеспечению процедур, предусмотренных их национальным правом для всех форм сотрудничества, указанных в части девятой Статута. Следует иметь в виду, что помимо общего обязательства по сотрудничеству с Судом, Статут охватывает конкретные положения, регламентирующие порядок выполнения отдельных действий, связанных с оказанием правовой помощи. Среди них можно отметить, передачу лиц Суду (ст. 89), идентификацию и установление места нахождения лиц или предметов (ст. 93 (a)); получения доказательств и сбор доказательств, включая мнения экспертов или заключения экспертизы, необходимые Суду (ст. 93 (b)); допрос любого лица, находящегося под следствием или подвергающегося судебному преследованию (ст. 93 (c)); вручение документов, включая судебные документы (ст. 93 (d)); содействие добровольной явке лиц в качестве свидетелей или экспертов в Суд (ст. 93 (e)); временную передачу лиц, как это предусмотрено в пункте 7 (ст. 93 (f)); производство обысков и наложения ареста (ст. 93 (h)); предоставление протоколов и документов, включая официальные протоколы и документы (ст. 93 (i)); защиту потерпевших и свидетелей и сохранение доказательств (ст. 93 (j)); выявление, отслеживание и замораживание или арест выреченных средств, имущества и доходов, а также орудий преступлений для цели последующей конфискации без ущерба для прав *bona fide* третьих сторон (ст. 93 (k)); предоставления любых других видов помощи, не запрещенных законодательством запрашиваемого государства, с целью содействия осуществлению расследования и уголовного преследования за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда (ст. 93 (l)). Кроме просьб о передаче лица, все остальные просьбы о правовой помощи могут быть отклонены запрашиваемым государством. При этом единственным основанием для отказа от оказания правовой помощи являются интересы национальной безопасности.

Уголовно-процессуальное законодательство некоторых стран СНГ предусматривает специальные разделы (части), посвященные оказанию правовой помощи по уголовным делам (в частности, УПК Азербайджанской Республики – раздел LVII) либо о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства (например, УПК Российской Федерации – часть пятая). Однако указанные процессуальные правила регулируют межгосударственное сотрудничество по оказанию взаимной правовой помощи, не затрагивая вопросов сотрудничества с *международными трибуналами*. Кроме того, некоторые государства СНГ в последнее время разрабатывают либо приняли законы о правовой помощи по уголовным делам.

В частности, Азербайджанская Республика 29 июня 2001 г. приняла Закон «Об оказании правовой помощи по уголовным делам», рассчитанный на применение в отношении случаев, когда между запрашивающим государством и Азербайджаном нет соответствующего межгосударственного договора. Указанный Закон в ст. 2.5 разграничил

правовую помощь в отношениях между государствами с сотрудничеством, осуществляемым с международными трибуналами. Подобное разграничение проведено и в УПК Азербайджана, ст. 488.3 которого предусматривает, что положения ст. 488.1 и 488.2 (осуществление процессуальных и иных действий в порядке оказания правовой помощи) не распространяются на осуществление сотрудничества с международными судебными органами.

С учетом значительной специфики деятельности МУС, было бы целесообразно принятие специального закона о сотрудничестве с Судом. Кстати, именно в этом направлении развивается международная практика, и подобные законы приняты в последнее время в целом ряде стран (в частности, Швейцарии, Финляндии, Франции и т.д.).

Опыт государств, осуществивших комплекс имплементационных мер, свидетельствует, что, как правило, все вопросы сотрудничества с МУС регламентируются в одноименных законах.

В пользу принятия специальных законов о сотрудничестве с МУС свидетельствует тот факт, адаптация норм УПК не представляется эффективным решением проблемы, поскольку нормы национальных уголовно-процессуальных кодексов регламентируют порядок производства по уголовным делам, которое осуществляется национальными органами следствия и суда. Кроме того, даже те государства, которые имели специальные законы о сотрудничестве с международными трибуналами⁵⁴, решили принять законы о сотрудничестве с МУС, поскольку в отношении производства по делу, которое осуществляется Судом, применяются специфические процедуры.

Таким образом, для комплексного решения всех вопросов взаимодействия государств СНГ - участников МУС представляется наиболее оптимальным принятие закона о сотрудничестве с Судом.

⁵⁴ Имеются в виду уголовные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде.

